История и теория прав и свобод человека и гражданина в ходе оперативного опроса

Лыско Евгений Алексеевич
аспирант, Мурманский арктический университет,
goodness1978@mail.ru

В современной российской правоохранительной системе оперативный опрос занимает парадоксальное положение. Тактически и по праву, использующийся, как массовый инструмент первичного сбора информации, он остаётся в зоне «процессуальной тени», не наделяет императивными обязанностями и ответственностью должностных лиц и граждан при его проведении. Актуальность исследования продиктована необходимостью разрешения спорных дискуссий и, возникающих предпосылок к конфликту в публичном и частном праве между государственным аппаратом и неприкосновенностью частной жизни.
В реалиях, когда грань между добровольной беседой и опросом размыта, отсутствие чётких установок создаёт почву для системных нарушений конституционных прав граждан, что, как отмечено в статье, подтверждается статистикой прокурорского надзора. Цель этой работы – через призму исторического опыта, теории прав и обязанностей правоохранительных органов и граждан, изменить правовую природу опроса научными методами в интересах разработки механизмов процессуального документирования, наделения его субъектов правами и обязанностями, а также ответственностью, не нарушая конституционные принципы законности органов исполнительной власти, соблюдая права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), а также повышая эффективность оперативно-розыскной деятельности (ст. ст. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 15 ФЗ «Об ОРД»). В статье вскрывается фундаментальное противоречие между декларативным характером принципов уважения прав человека, закреплённых в Законе «Об ОРД» и, реальной практикой, унаследовавшей обвинительный уклон и закрытость советской системы сыска. Подчеркнуто, что текущая лаконичность законодательных формулировок не обеспечивает должной защиты от самообличения и давления, а также понижает достаточность и допустимость сбора доказательств в правоохранительной деятельности. Авторский вклад заключается в обосновании перехода от ведомственной дискреции к строгой процедурной регламентации: предложено введение обязательного порядка проведения и протоколирования с фиксацией добровольности участия (аналог «правила Миранды» для оперативной работы). Представленные материалы могут использоваться законодателями, специалистами в области уголовного процесса, права и оперативно-розыскной деятельности, правозащитниками, практикующими юристами, сталкивающихся с проблемой допустимости доказательств.
Ключевые слова: гарантии прав личности, доказательственное значение, история сыска, конституционные права, негласные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, оперативный опрос, правовое регулирование, прокурорский надзор, процессуальная форма

Введение

Оперативный опрос занимает особое место в перечне оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), закрепленных в статье 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», являясь исторически первым и наиболее распространённым методом получения оперативной информации, представляет специфическую форму взаимодействия государства и личности.

Значимость обращения к теме объясняется тем, что опрос, проводимый как гласно, так и негласно, затрагивает фундаментальные права граждан, в том числе на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, свободу от самообличения. Вместе с тем порядок его проведения и ответственность участвующих лиц остаются минимальными.

Невзирая на законодательное закрепление принципов уважения прав и свобод человека и гражданина (ст. 5 ФЗ «Об ОРД»), правоприменительная практика указывает на наличие системных проблем. По данным прокурорских проверок, нарушения при проведении ОРМ, включая опросы, составляют значительную долю в общей структуре нарушений законности в рассматриваемой сфере [2]. В данной связи весьма значим анализ эволюции и теоретических основ обеспечения прав и обязанностей должностных и опрашиваемых лиц, выработка рекомендаций по усовершенствованию его правового регулирования.

Материалы и методы

Обзором современной литературы обнаруживается, что исследования оперативного опроса в контексте прав и свобод человека и гражданина формируются на стыке историко-правового, формально-юридического, прикладного подходов. Это делает подобранный к статье массив публикаций релевантным для заявленной темы. Работы С.А. Ахтамшозоды [1], А.С. Климовского, С.А. Юзьвака [5], М.С. Манагаровой [8], Р.Р. Хусаинова [10], А.М. Шинкевича, Н.Г. Букшты [11] ориентированы, главным образом, на функционально-прикладной анализ оперативного опроса как меры, способствующей профилактике, предупреждению и раскрытию преступлений. При этом вопросы ограничения конституционных прав затрагиваются фрагментарно. Историко-теоретический ракурс наиболее последовательно представлен Е.А. Лыско [7], где прослеживается эволюция представлений об оперативном опросе и его месте в системе ОРД. Это важно для понимания генезиса современных правовых ограничений. Формально-юридический и правозащитный аспекты развиваются в изысканиях Г.В. Дытченко, Е.Л. и Никитина [3], а также в обзоре практики межгосударственных органов [9], где акцент делается на допустимости вмешательства в права человека и критериях соразмерности, однако без детальной привязки к опросу, как самостоятельному мероприятию. Труды Д.С. Желтка [4] и К.Н. Курысева [6] отражают специальные и современные аспекты (основания проведения и др.). Авторы демонстрируют расширение фактических возможностей опроса при неизменности его нормативной конструкции. Статистический материал С.В. Душкина [2] выполняет вспомогательную эмпирическую функцию, не раскрывая правозащитного измерения.

Пробелы литературы выражаются в недостаточной теоретической проработке соотношения добровольности

оперативного опроса и реального процессуального положения должностного и опрашиваемого лиц. Имеет место слабая интеграция стандартов международной защиты прав человека, сотрудников и правоохранительных органов каждый из которых желает или не желает добровольно «являться» на опрос с учётом личной гражданской позиции и «требовать» этого соответственно (п. 1 ст. 6 и ч. 5 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»). Противоречия проявляются в различной оценке допустимых границ усмотрения сотрудников и степени необходимости дополнительных гарантий прав личности. В связи с этим при написании статьи применены историко-правовой, формально-юридический методы, системный подход, сравнительно-правовой и правоприменительный анализы, что помогает комплексно оценить баланс публичных интересов и прав личности.

Результаты и обсуждение

История оперативного опроса неразрывно сопряжена с развитием отечественных институтов сыска. На ранних этапах становления российской государственности (X-XVII вв.) получение сведений от населения носило не столько правовой, сколько принудительный характер. В Русской Правде и судебниках закреплялся «обыск» – жители опрашивались касательно репутации подозреваемого, что считается прообразом современного опроса. Однако понятие прав опрашиваемого в тот период отсутствовало. Приоритет отдавался интересам государя и общественного порядка – публичной власти.

В имперский период (с созданием регулярной полиции и сыскных отделений) методы опроса стали более систематизированными. Но они оставались жестко авторитарными. Полицейские уставы XIX века дозволяли негласный сбор сведений. При этом гарантии прав личности (адвокатская тайна, право «молчать») на этапе полицейского дознания практически не распространялись, в том числе в силу складывающейся обстановки в стране.

В советский период внесена отчетливая двойственность: формально провозглашалась законность, а на практике (особенно в 1930-1940-е гг.) оперативная работа строилась на тотальном контроле, где опрос часто граничил с допросом без процессуальных гарантий. При этом понятие презумпции невиновности в УК РСФСР 1926 г. и в Конституциях РСФСР и СССР до 1980-х годов отсутствовало.

Лишь с принятием ФЗ «Об ОРД» в 1995 г. оперативный опрос получил статус легального ОРМ в демократическом правовом поле. Впервые было установлено, что оперативно-розыскная деятельность не может служить целям, не предусмотренным законом, полученные сведения подлежат защите. Тем не менее, лаконичность формулировки п. 1 ст. 6 анализируемого Закона оставила «в наследство» от советской системы отсутствие чёткого протокола проведения беседы, процессуальные права и ответственность участников мероприятия. В итоге сохраняются риски для неэффективной ОРД и нарушений прав граждан и сегодня.

В таблице 1 систематизирована сводная информация относительно исторических этапов.

С теоретической точки зрения, оперативный опрос – это метод сбора информации путем непосредственного общения с носителем сведений [5, 10]. Ключевая коллизия здесь проявляется между публичным интересом (раскрытие преступления) и частным правом лица не свидетельствовать против себя и др. (ст. 51 Конституции РФ).

В отличие от следственного допроса, оперативный опрос носит, как правило, добровольный характер. Одновременно с этим, закон прямо не обязывает оперативника разъяснять гражданину право отказаться от беседы, а последнему прибывать для проведения мероприятия. В итоге создается ситуация «информационной асимметрии».

Таблица 1
Эволюция регламентации опроса в контексте прав личности (составлено на основе [1, 4, 7, 11])

Период	Форма	Статус прав опрашиваемого
Допетровская Русь	«Обыск» (опрашивание общины)	Права не выделяются, коллективная ответственность
Имперская Россия	Полицейская беседа, агентурный опрос	Минимальные. Как инструмент административного давления
СССР	Разведывательный опрос	Формально – добровольность, фактически – принуждение в интересах госбезопасности
РФ (с 1995 г.)	Оперативный опрос (п. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»)	Законодательное закрепление прав, возможность судебного обжалования, но дефицит процедур

Особую сложность представляет негласный опрос, когда сотрудник или лицо, добровольно изъявившее желание участвовать в проведении ОРМ скрывают свою принадлежность к правоохранительным органами или истинные цели беседы. В рассматриваемом случае гражданин, вступая в коммуникацию, не осознает правовых последствий своих слов. Так, Европейский суд по правам человека в ряде решений (например, по делу «Аллан против Соединенного Королевства») указывал, что использование информации, полученной обманным путем от лица, находящегося в уязвимом положении, может нарушать право на справедливое судебное разбирательство и привилегию против самообличения [9]. Российская теория ОРД исходит из того, что негласный опрос допустим, если он не связан с давлением либо провокацией [6]. Между тем, грань здесь тонка и законодательно не формализована.

Другой очень важный аспект – право на юридическую помощь. При проведении гласного опроса гражданин теоретически имеет возможность пригласить адвоката, но механизм реализации этого права в ФЗ «Об ОРД» не прописан. На практике это приводит к тому, что первичные объяснения зачастую берутся в условиях, при которых исключается квалифицированная защита, а впоследствии сведения реализуются в уголовном процессе.

Анализ практики показывает, что нарушения прав граждан при проведении опроса носят латентный характер [2]. В официальной статистике он не выделяется в отдельную категорию нарушений, однако общие данные прокуратуры позволяют судить о проблеме (таблица 2). Так, нарушения при регистрации сообщений о преступлениях (где опрос является основным инструментом первичной проверки) ежегодно исчисляются десятками тысяч [2].

Таблица 2
Типология рисков нарушения прав при оперативном опросе (составлено на основе [1, 4-6, 8])

Вид опроса	Основные рисковые факторы	Причины нарушений
Гласный	Принуждение к даче объяснений, игнорирование права на адвоката (ст. 48 Конституции РФ)	Отсутствие бланка протокола с разъяснением прав в Законе «Об ОРД»
Негласный	Нарушение права на частную жизнь, провокация, использование доверительных отношений во вред опрашиваемому	Отсутствие четких критериев допустимости легендированного общения
Опрос задержанных	Подмена допроса опросом (без процессуальных гарантий) для получения признания	Стремление к «палочным» показателям раскрываемости

Как представляется, основная проблема кроется в правовой неопределенности статуса результатов опроса. Сведения, полученные в ходе него, сами по себе не являются доказательствами, но они служат поводом и основанием для дознания и предварительного следствия. Это

создает соблазн для оперативников получить информацию «любой ценой» на этапе опроса, зная, что строгие процессуальные требования к ней формально не применяются, а опрошенному лицу сообщить заведомо ложные сведения.

Вместе с тем, в ряде случаев практически не возможно решить задачи ОРД (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»), при отсутствии их результатов в виде, например, протокола опроса лица по причине его «уважительной» не явки по «просьбе» сотрудника в правоохранительные органы в связи с отсутствием меры его процессуального принуждения, в том числе в целях недопущения уклонения по различным «мотивам» от протоколирования, которые, как и последующее повторное устное «требование» (ч. 5 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»), носят только диспозитивный характер. Исследование положений ФЗ «Об ОРД», КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ и ГК РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ показывает отсутствие императивных мер по сравнению с такими, как привод (ст. 27.15 КоАП РФ) или штраф (ст. 168 ГПК РФ) в случае неявки гражданина без уважительной причины для проведения в его отношении гласного ОРМ «опрос» в интересах правоохранительных органов.

Существующая практика оформления результатов опроса в виде «рапорта» или «справки-меморандума» зачастую не дает возможность следствию и суду оценить обстоятельства получения информации, так как нет юридического и фактического подтверждения в нём участвовавшего опрошенного лица, за исключением приложения к ним иных документальных материалов. Предлагается ввести унифицированный бланк протокола опроса для его гласного проведения, где необходимо отметить все вышеуказанные аспекты.

Следует установить запрет на подмену допроса негласным опросом в отношении лица, фактически являющегося подозреваемым, если целью такого мероприятия является обход процессуальных гарантий (права на «молчание» и на адвоката). Такие сведения нужно признавать недопустимыми доказательствами в уголовном процессе, базируясь на доктрине «плодов отравленного дерева» (суть – если доказательство вины получено незаконным путем, то иные основанные на нем доказательства не должны приниматься во внимание судом) [3].

Учитывая исторический контекст и выявленные теоретические пробелы, для обеспечения равновесия между эффективностью правоохранительной деятельности и соблюдением прав человека представляется необходимым внесение точечных, но системных изменений в законодательство.

Так, в настоящее время Закон «Об ОРД» содержит определение ОРД, задачи, принципы, правовые основы, обязанности, основания, наименование ОРМ, условия их проведения для некоторых мероприятий и т.п., но без определения сути ОРМ «опрос», порядка его проведения и протоколирования, административной и (или) дисциплинарной ответственность граждан за невыполнение требований представителя власти.

В дополнение к отмеченному, видится уместным ввести императивную норму для гласного опроса, аналогичную правилу Миранды: перед началом беседы сотрудник обязан уведомить гражданина о праве не давать объяснения и праве на юридическую помощь.

Это устранит правовую неопределенность и смягчит риск обвинений в принуждении. Правило Миранды – юридическое требование в Соединённых Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное. Оно возникло в 1966 году вследствие исторического дела «Миранда против Аризоны» и названо именем обвиняемого Эрнесто Миранды, чьи показания в последствии были исключены из материалов дела как полученные в нарушение 5-й поправки к Конституции США.

Анализ основных законов по правам человека:

1. Международные акты:

а) Всеобщая декларация прав человека (1948);

б) Международный пакт о гражданских и политических правах (1966);

в) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966);

г) Конвенция о правах ребёнка (1989).

2. Российское законодательство:

а) Конституция РФ (ст. 2, ст. ст. 17-640);

б) ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в РФ;

в) ФКЗ «О чрезвычайном положении»;

г) ФКЗ «О военном положении»;

д) Трудовой кодекс РФ;

е) Закон РФ «О защите прав потребителей»

показал отсутствие прямого запрета опрашивать человека и гражданина с соблюдением его прав и свобод в интересах публичной власти для установления истины и подтверждения действенности законодательства в правоохранительной сфере.

Заключение

Институт оперативного опроса в России прошел достаточно сложную эволюцию (от инструмента репрессивного сыска к правовому механизму, регулируемому федеральным законом). Вместе с тем, современное состояние правового регулирования характеризуется дисбалансом: полномочия оперативных подразделений не уравновешены достаточными процедурными гарантиями прав личности, а последней возможностью лавировать между гражданской позицией и исполнением законных требований представителя власти. Теоретическая коллизия между необходимостью скрытного получения информации и конституционными правами граждан в практической плоскости зачастую решается в общий ущерб.

Разрешение данной проблемы видится не в отказе от оперативного опроса, как действенного средства борьбы с преступностью, а в его детальной регламентации.

В этой связи, необходимо в рамках научных конференций, в ходе изучения материалов Пленума ВС РФ и законотворчества, результатов прокурорского надзора и ведомственного контроля, выработать меры для внесения изменений в ФЗ «Об ОРД» в интересах определения сути гласного и негласного ОРМ «опрос», документирования его результатов, условий проведения, поводов и оснований для привлечения к ответственности граждан, умышленно уклоняющихся от исполнения законных требований сотрудника, а также в отношении должностных лиц, несоблюдающих требования федерального законодательства.

С учётом складывающейся обстановки в сфере правоохранительной деятельности Российской Федерации в условиях СВО ВС РФ на Украине, когда каждый день в стране проводятся ОРМ и следственные действия по задержанию террористов (ст. 205 УК РФ) и государственных изменников (ст. 275 УК РФ), предлагается издать совместный гласный приказ МВД (например, приказ от 01.04.2023 № 199 МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»…) и ФСБ России (например, приказ от 04.07.2023 № 288 ФСБ России «Об утверждении Инструкции об организации проведения органами федеральной службы безопасности

гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»…) с участием других заинтересованных субъектов ОРД, в инструкции к которому предусмотреть порядок проведения мероприятия, его документирования и другие особенности, наделив правом на ряду с составлением протоколов об административных нарушениях в рамках КоАП РФ о привлечении сотрудниками к установленной законом ответственности недобропорядочных граждан.

Литература

1. Ахтамшозода С.А. Оперативный опрос и его значение в предупреждении и раскрытии преступлений // Наука и безопасность. – 2024. – № 3 (9). – С. 84-89.
2. Душкин С.В. Статистический анализ деятельности прокуратуры области в сфере борьбы с преступностью // URL: https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/99e/g2ks123jdeg781vdyivdkqq7wnnlv489.pdf (дата обращения: 26.01.2026).
3. Дытченко Г.В., Никитин Е.Л. Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Криминалистъ. – 2011. – № 1 (8). – С. 101-108.
4. Желток Д.С. Об основаниях проведения оперативного опроса, наблюдения и оперативного осмотра, не требующих санкции прокурора // Научный поиск курсантов. Сборник материалов Международной научной конференции. – Могилев: 2024. – С. 73-74.
5. Климовский А.С., Юзьвак С.А. Некоторые особенности условий проведения опроса как одного из важных оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыскной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10 (185). – С. 261-263.
6. Курысев К.Н. Некоторые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий «опрос» и «наведение справок» с использованием мессенджеров // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 2 (71). – С. 45-49.
7. Лыско Е.А. История, проблема теории и практики современного оперативного опроса // Научно-практический журнал «Юридическая наука» № 11 – Москва: 2025. – С. 491-496.
8. Манагарова М.С. Роль оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в оперативно-розыскной деятельности // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. Материалы XIX всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: 2024. – С. 167-170.
9. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека // URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28228/ (дата обращения: 26.01.2026).
10. Хусаинов Р.Р. Некоторые проблемные вопросы организации и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 1 (21). – С. 83-90.
11. Шинкевич А.М., Букшта Н.Г. Роль и место оперативного опроса в оперативно-розыскной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2021. – № 2 (50). – С. 88-94.

History and theory of human and civil rights and freedoms during an operational survey

Lysko E.A.
Murmansk Arctic University

In the modern Russian law enforcement system, the operational survey occupies a paradoxical position. Tactically and legally, it is used as a mass tool for primary information collection, but it remains in the "procedural shadow" zone, and it does not impose mandatory obligations or responsibilities on officials or citizens during its implementation. The relevance of this research is driven by the need to address controversial discussions and emerging conflicts between public and private law, as well as the tension between the state apparatus and the sanctity of private life.

In a situation where the line between voluntary conversation and interrogation is blurred, the lack of clear guidelines creates a breeding ground for systemic violations of citizens' constitutional rights, which, as noted in the article, is supported by statistics from prosecutorial supervision. The purpose of this work is to use historical experience, the theory of rights and obligations of law enforcement agencies and citizens, and scientific methods to change the legal nature of interrogation in order to develop.

Keywords: guarantees of individual rights, evidentiary value, history of investigation, constitutional rights, covert measures, operational investigative activities, operational survey, legal regulation, prosecutorial supervision, procedural form

References

1. Akhtamshozoda S.A. Operational survey and its importance in the prevention and detection of crimes // Science and Security. – 2024. – No. 3 (9). – Pp. 84-89.
2. Dushkin S.V. Statistical analysis of the activities of the regional prosecutor's office in the field of combating crime // URL: https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/99e/g2ks123jdeg781vdyivdkqq7wnnlv489.pdf (date of application: 01/26/2026).
3. Dytchenko G.V., Nikitin E.L. Legality of operational search measures restricting constitutional rights citizens // Criminalist. – 2011. – No. 1 (8). – Pp. 101-108.
4. Zheltok D.S. On the grounds for conducting an operational survey, observation and operational inspection that do not require the approval of the prosecutor // Scientific search for cadets. Collection of materials of the International Scientific Conference. – Mogilev: 2024. – Pp. 73-74.
5. Klimovsky A.S., Yuzvak S.A. Some features of the survey conditions as one of the important operational investigative measures in operational investigative activities // Eurasian Law Journal. – 2023. – No. 10 (185). – Pp. 261-263.
6. Kurysev K.N. Some aspects of conducting operational investigative measures "survey" and "making inquiries" using messengers // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2024. – No. 2 (71). – Pp. 45-49.
7. Lysko E.A. History, Theory and Practice of Modern Operational Polling // Scientific and Practical Journal "Legal Science" No. 11 – Moscow: 2025. – Pp. 491-496.
8. Managarova M.S. The role of the operational search event "survey" in operational search activities // Humanitarian and legal problems of modern Russia. Materials of the XIX All-Russian scientific and practical conference. – Novosibirsk: 2024. – Pp. 167-170.
9. Review of the practice of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms // URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28228/ (date of application: 01/26/2026).
10. Khusainov R.R. Some problematic issues of the organization and conduct of the operational search event "survey" // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. – 2025. – No. 1 (21). – Pp. 83-90.
11. Shinkevich A.M., Bukshta N.G. The role and place of operational questioning in operational investigative activities // Issues of criminology, criminalistics and forensic examination. – 2021. – No. 2 (50). – Pp. 88-94.